

## Были и они среди донцов (Очерк о Надежде Андреевне Дуровой)

Л.Т.Агарков

В стихотворении «Дорожные жалобы» А.С. Пушкин говорил, что ему приходилось много путешествовать по свету:

«То в коляске, то верхом,  
То в кибитке, то в карете,  
То в телеге, то пешком...»

И это было не вопреки его желаниям. Он сам признаётся: «с детских лет путешествия были моей любимой мечтой. Долго вел я потом жизнь кочующую скитаясь то по Югу, то по Северу». Посещал поэт и землю донских казаков. Это было трижды.

Летом 1820 года, при поездке на Кавказ с семьей героя Отечественной войны 1812 года генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского, они были в Таганроге, обедали и ночевали в доме градоначальника П.А. Папкова на улице Греческой, где, между прочим, двумя годами ранее останавливался и император Александр Павлович, что навело Пушкина на неприятные размышления и не совсем спокойную ночь.

В Ростове, в крепости Дмитрия Ростовского, посетили знакомую генералу вдову Пеленкину, а затем прибыли в станицу Аксайскую и здесь ночевали на почтовой станции; были в гостях у старого друга генерала, соратника по сражениям, атамана Войска Донского Андрияна Карповича Денисова в Новочеркасске; совершили путешествие на лодках в городок Черкасский, старую казачью столицу.

В 1829 году совершая новую поездку на Кавказ, Пушкин дважды посетил донской край. В мае по пути в Арзрум он был в Новочеркасске, где на почтовой станции встретился с видным деятелем Северного общества, декабристом В.А. Мусиным-Пушкиным, которому, как вспоминает сам поэт, «я сердечно обрадовался и мы согласились путешествовать вместе», так как последний после заключения в крепости был направлен в действующую армию на Кавказ.

В августе, возвращаясь в родные места, Александр Сергеевич посещает станицу Аксайскую и Новочеркасск. Именно в это время создается поэтом стихотворение «Дон».

Будучи в действующей армии графа Паскевича на турецком фронте, Пушкин встречался с принимавшими в сражениях и отличавшимися в них на берегах Аракса, Арпачая, Евфрата донскими казаками. О чем он откровенно сказал своим: «Был и я среди донцов, гнал и я османов шайку...»

Встреча с Доном после этого и породила те чувства, которые стали стихотворением «Дон».

Вспомним:

«Блеща средь полей широких,  
Вот он льется! Здравствуй, Дон!  
От сынов твоих далеких  
Я привез тебе поклон».

Между прочим, из Арзрума до столицы Пушкин в своей коляске вез знакомого сарапульского городничего Василия Андреевича Дурова, лечившегося в тот год на Кавказе от какой-то неизвестной болезни, окончательно проигравшего и прокрутившего все своё скромное состояние и мечтавшего более всего разбогатеть.

Упомянутый факт, сам по себе, ничего примечательного не представляющий, если бы не последующие события.

А дело в том, что спустя шесть лет, на петербургский адрес Пушкина неожиданно от В.А. Дурова 16 июня 1835 года пришло письмо, сообщавшее о том, что он женился, но так и не смог осуществить своего желания – разбогатеть.

Василий Андреевич – оказался братом легендарной русской амазонки, героини наполеоновских войн, участницы сражений при Гудштадте и Гейльсберге, при Фридланде и под Смоленском, при Бородине и многих других известных и вошедших в историю битв, кавалера славного солдатского Святого Георгия, Надежды Андреевны Дуровой, женщины, навсегда отрекшейся от своего пола, после героической военной молодости скрывшейся в русской провинции под именем отставного штабс-ротмистра Александра Андреевича Александрова – именем, данным молодому воину Мариупольского гусарского полка вместе с чином корнета Российским императором Александром I.

Прошло двадцать лет забвения, и Надежда Андреевна, то бишь отставной штабс-ротмистр Александров, взявшись за перо, решила рассказать о прошлом.

В упомянутом письме Василия Андреевича к Пушкину и содержалось предложение издать записки сестры. Пушкин не задумываясь ответил: «Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление».

Получив это сообщение через брата, Дурова обращается к поэту лично и, как всегда, в мужской роли: «Не извиняюсь за простоту адреса, милостивый государь Александр Сергеевич. Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим. Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: у меня есть несколько листов моих записок: я желал бы продать их и предпочтительно вам. Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественниц, тем более что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления... Итак, упреждаю вас только, что записки были писаны не для печати и что я, вверяясь уму вашему, отдаю вам их, как они есть, без перемен и поправок».

Почти год ждал Пушкин первую часть этой рукописи, но так и не дождался. И лишь к концу зимы получил вторую часть «записок» о 1812 годе, которую решил поместить в ближайшей книжке своего журнала «Современник» о чем тот час известил Дурову: «Прелесть! Живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен».

Пушкин с нетерпением ждал личной встречи с таинственным автором, самолично собравшимся в Петербург, хотя не знал как вести себя с отставным штабс-ротмистром, не допускавшим никаких напоминаний о своем женском естестве.

Жарким июньским днем 1836 года к одному из захудалых петербургских трактиров подъехал возок с запыленным обветренным дальней дорогой путником, о котором М.А. Турьян, один из авторов упомянутого сборника сообщает: «Уже немолодое, тронутое оспой, но живое лицо, стриженные и завитые по мужской моде волосы, строгий черный сюртук с Георгием в петлице, резкий голос, угловатые манеры – такой предстала Дурова перед петербургским светом, охваченным плохо скрываемым, порой бестактным любопытством».

Такой увидел ее и Пушкин, спустя несколько дней, когда состоялось их свидание, и когда Дурова вручила ему первую часть своих «записок», так и не нашедших его зимой, в которых она рассказывала о детских годах: о том как покинула родной дом, как обрета свободу, по ее выражению «драгоценный дар неба», который она «умела взять, сохранить от всех притязаний на будущее время, и отныне до могилы она будет и уделом моим и наградою», и как встретила полк казаков, с которым, упросив полковника, направилась на Дон.



**Надежда Андреевна Дурова**

«Теперь я казак в мундире с саблею; тяжелая пика утомляет руку мою, не пришедшую еще в полную силу. Вместо подруг меня окружают казаки, которых наречие, шутки, грубый голос и хохот трогают меня!

...Поход продолжался более месяца, новое положение мое восхищало меня, я научилась седлать и расседлывать свою лошадь, сама водила ее на водопой, так же, как и другие... Наконец полк пришел на рубеж своей земли и расположился лагерем в ожидании смотра, после которого их распускают по домам, ожидание и смотр продолжались три дня, я в это время ходила с ружьем по необозримой степи Донской или ездил верхом. По окончании смотра казаки пустились во все стороны группами, это был живописный вид: несколько сот казаков, рассыпавшись по обширной степи, ехали от места смотра во всех направлениях», – вспоминает Дурова.

Видя молодость и неопытность юного дворянина, искавшего случая для вступления в регулярную армию и привязавшись к нему, как к сыну, казачий полковник предлагает ему до нового похода, предполагавшегося в недалеком будущем, свой дом, свою семью.

Дурова вспоминает: «Полковник и я сели в коляску и отправились в Раздорскую станицу, где был у него дом. Жена его чрезвычайно обрадовалась приезду мужа, это была женщина средних лет, прекрасная собою, высокого роста, полная, с черными глазами, бровями и волосами и смугловатым цветом лица, общим всему казачьему племени, свежие губы ее приятно улыбались всякий раз, когда она говорила. Меня очень полюбила она и обласкала, дивилась, что в такой чрезвычайной молодости отпустили меня родители мои скитаться, как она говорила по свету: «вам, верно не более четырнадцати лет, и вы уже одни на чужой стороне... Поживите у нас, вы хоть немного подрастаете, возмужаете, и, когда наши казаки опять пойдут в поход вы пойдете с ними и муж мой будет вам вместо отца».

Говоря это, добрая полковница накрывала стол разными лакомствами – медом, виноградом, сливками и сладким только что выжатым вином: «Пейте, молодой человек, – говорила доброхотная хозяйка, – чего вы боитесь? Это и мы, бабы, пьем стаканами, трехлетние дети у нас пьют его, как воду». Я до этого времени не знала еще вкуса вина и потому с большим удовольствием пила донской нектар.

Как не старался, вчитываясь в «Записки кавалерист-девицы», найти фамилию раздорского полковника, нашел только упоминание о его сыне «молодом Б..», следовательно, фамилия полковника начинается с этой буквы. А вот вестового командира полка Дурова называет по фамилии и описывает его прощание с семьей перед очередным походом:

«Щегров, бывший всегда при полковнике в походе, был с ним же и на Дону: его отец, мать, жена и три взрослые и прекрасные дочери пришли проводить его и еще раз проститься с ним. Умилительно было видеть, как сорокалетний казак, склоняясь до земли, целовал ноги своего отца и матери, принимая их благословение, и после сам точно так же благословил дочерей своих, упавших к ногам его; обряд этого прощания был совершенно нов для меня и сделал на душу мою самое горестное впечатление! «Вот, – думала я, – как должно

расставаться детям с отцом и матерью, а я убежала. Вместо благословения неслись за мною упреки раздраженных родителей, а может быть... ужасная мысль!..»

Нахождение в казачьем полку и пребывание на Дону, и в частности в станице Раздорской оставили в юной необыкновенной душе кавалерист-девицы, выступавшей под именем Александра Соколова, неизгладимый след. И поэтому спустя многие годы мы с интересом читаем ее записки и узнаем о жизни своих предков.

«В чистых патриархальных нравах Войска Донского, в его родной земле, я находила самым благородным, что все их сотники, есаулы и даже полковники не гнушались полевыми работами!... С каким уважением смотрела я на этих доблестных воинов, поседевших в бранных подвигах, которых храбрость делала страшным их оружием, была оплотом государству, которому они служили, и делала честь земле, в которой родились! С каким уважением, говорю, смотрела я, как они сами возделывали эту землю: сами косили траву полей своих, сами сметывали ее в стога! Как благородно употребляют они время своего отдохновения от занятий воина! Как не отдать справедливости людям, которых вся жизнь от юности до могилы посвящена пользам или отечества, или своей семье; как не отдать им преимущества перед теми, которые лучшее время жизни проводят, травя беззащитных зайцев и отдавая хлеб детей своих стае борзых собак!»

Рассказывая о встрече А.С. Пушкина с Надеждой Дуровой, упомянутый уже выше Н.А. Турьян пишет о том, что несмотря на огромную загруженность поэта изданием третьего номера журнала «Современник», который приходилось готовить почти в одиночку и хлопотами по имению, Дурова продолжала занимать воображение Пушкина – он спрашивал о ней приятеля своего Дениса Давыдова, который знал гусара Александра в войну и видел его «во фронте, на ведетах, во всей тяжкой того времени службе». Давыдова также живо интересовали романтические легенды, окружавшие это имя, и он делился ими с Пушкиным...»

Осенью 1836 года «Записки кавалерист-девицы» вышли в свет отдельной книгой и получили огромный резонанс не только в читающей публике, но и в среде литературной.

Надежда Андреевна Дурова пережила в своей жизни еще одну яркую славу теперь на литературной ниве. А книга была в самом деле замечательна. События прошлой жизни ее автора были описаны так талантливо, что привели в восхищение и Пушкина и Белинского.

«Боже мой, что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок... И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописною увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию» – писал Белинский.

Дуровой были написаны и другие рассказы и повести, среди которых лучшей была повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения», о встречах с Пушкиным, о его горячем участии в издании ее первой книги, явившейся вершиной ее писательского успеха и самой яркой страницей ее литературной биографии.

В 1987 году в издательстве «Правда» вышла книга, включившая сочинения двух удивительных авторов Дениса Васильевича Давыдова и Надежды Андреевны Дуровой, двух профессиональных военных, и в то же время, двух замечательных писателей, чья жизнь оказалась тесно связанной с жителями Дона в период Отечественной войны 1812 года, что естественно нашло отражение в их творчестве.

«Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства – в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска, – пишет Давыдов. Он же говорит о себе: «Я не поэт, я – партизан, казак» (стихотворение «Ответ»), «Родня – донцы, друг – конь надежный» (стихотворение «Партизан»).

**Агарков Л.Т.**

**Выступление на конференции, 1988 год**